

[из письма к кесарю Варде, по поводу низвержения патриарха Игнатия]*

«Еще не испытав, я чувствовал себя недостойным сана и степени архиепископской, и обязанности пастырской, и по этой-то причине, влекомый и принуждаемый, столько сопротивлялся. О, если бы смерть постигла меня прежде, чем я был избран! Ныне учит меня самый опыт, обличая довольно мое недостойнство, и уже не страх ожидания меня объемлет, но отчаяние, но болезнь, нанесшая мне смертельную язву, но вопли и вздыхания. Когда, видя всех иереев и каждого: страждущих, биемых, окованных, лишенных языка, не должен ли я назвать умерших блаженными паче меня? Человек бедный и без покровительства** претерпел столько бедствий вместе: он был предан, бит, брошен в тюрьму, лишен языка, но что всего ужаснее — будучи пресвитером. Часто за него я ходатайствовал, часто молил тебя, но слышал одни только тщетные обещания; это знают все видящие; если они забыли, не забыл Бог. Сие написал я кровавыми слезами. От тебя зависит, чтобы это письмо было первым или последним. Господом свидетельствуюсь, что если ты принял намерение и впредь обманывать нас и презирать увещательные ходатайства, не буду более писать и беспокоить тебя; но размышляя о самом себе и оплакивая собственную участь, умолкну»***

* По изданию: Лебедев А.П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI веках. СПб.: Алетея, 1998. С. 26.

** Власий (по иным источникам - Василий) - священник, сторонник свергнутого патриарха Игнатия; за открытые выступления о несправедливости, произведенной над Игнатием, был подвергнут преследованиям и урезанию языка. [см.: Лебедев А.П. Указ.соч. С. 25-26.]

*** Photii patr. epistolae // Migne J.P. Patrologiae cursus completus. Patrologia graeca. T. CII. Lib. 1. P.624-625.

[из письма патриарха Фотия к папе Николаю (861 г.)]*

«И наше смирение, руководимое чувствами той же любви, без обиды оставляет укоризны, какими ваша отеческая святость уязвила нас как стрелами, ибо они не были внушены чувством раздражения или сварливости, но скорей были выражением непосредственного душевного расположения, весьма строго относящегося к церковному чину. Если и самое зло при избытке доброты перестает рассматриваться как зло, так как не имеет источника в злом намерении, хотя бы оно опечаливало, поражало и причиняло мучения, не может почитаться злом. Известна и такая любовь, которая расширяется даже в благодеяние по отношению к тем, которые наносят обиды. Поелику же ничто не воспрещает смело говорить правду братьям по отношению к братьям и детям по отношению к своим родителям, ибо нет ничего любезней истины, то позволительно и мне свободно высказаться не с целию вам противоречить, но в видах собственной защиты. И ваше совершенство в добродетели, приняв прежде всего в соображение, что мы против воли впряглись в это ярмо, да благоволит не порицать, но пожалеть, не презирать, но выразить сочувствие, ибо свойственно оказывать жалость и сострадание к тем, которые терпят насилие, а не порицать и презирать их. Ибо мы подверглись насилию, и какому? Это знает Господь, которому известно и тайное. Меня лишили свободы, держали в заключении, как преступника, и тщательно стерегли. Я не давал согласия, а меня назначили к посвящению; все знают, что я был рукоположен с плачем, при воплях и страданиях. Дело происходило не в уединенном месте, было проявлено столько злобы, что известие об этом разнеслось повсюду.**

Я лишился спокойной жизни, я лишился сладкой тишины, я потерял славу, должен был пожертвовать милым спокойствием, тем чистым и приятнейшим общением с близкими мне людьми, которое было свободно от печали, коварства и чуждо всяческой укоризны. Никто не имел поводов быть недовольным мной, и я ни на кого не жаловался ни из пришельцев, ни из туземцев, ни из незнакомцев, ни тем менее на моих друзей. И я сам никого не оскорблял и не вызывал никого на обиду по отношению ко мне, если только не принимать во внимание опасностей для благочестия. И никто до такой степени не огорчал меня, чтобы я дал волю своему языку нанести оскорбление за обиду. Так были все благорасположены ко мне и громко восхваляли мои качества, так что мне не приходится об этом говорить. Мои друзья любили меня более, чем своих родственников. Что же

касается родных, то для них я был милейший из родственников и самый родной из особенно милых. Слава об усердии окружающих меня*** привлекла и знакомых в любовь Божию и в союз дружбы... Можно ли без слез вспомнить об этом? Находясь у себя в доме, я испытывал приятнейшее из удовольствий следить за прилежанием учащихся, видеть усердие задающих вопросы и опытность в диалектике отвечающих, чем мысль приучается к легчайшей деятельности. Одни изошряли ум на математических упражнениях, другие стремились постигать истину логическими приемами, иные же направляли ум к благочестию посредством изучения Священного Писания, в чем следует видеть венец всех других упражнений. Такой кружок был моим обыкновенным домашним обществом. Когда же обязанности часто отзывали меня во дворец, меня сопровождали напутственные благожелания и просьбы не запаздывать возвращением, ибо на мою долю выпала и эта исключительная привилегия — оставаться во дворце столько, сколько я пожелаю. При моем возвращении меня встречал у ворот мой ученый кружок. И одни, которые могли больше позволять себе из-за превосходства в добродетели, жаловались на замедление, другие довольствовались тем, что обменивались несколькими словами, иным же было желательно только показать, что они меня дожидались. И это был обычный порядок, который ни козни не нарушали, не прекращала зависть и не омрачала небрежность. Кто же, испытав полный переворот в такой жизни, легко и без слез перенесет перемену, лишившую всех таковых благ. Вот почему я печалился, вот из-за каких лишений текли у меня ручьи слез и окружал меня мрак печали. Я знал уже и прежде, сколько беспокойства и забот сопряжено с этой кафедрой. Я знал тяжелый и непослушный нрав смешанного населения столицы, его склонность к ссорам, зависть, смуты и восстания, недовольство настоящим и ропот, если не удастся достигнуть того, чего требует, или если его желания осуществляются не так, как бы он хотел, и, с другой стороны, высокомерие и презрение, если сделана уступка его желанию и если исполнялось его требование, ибо он имеет склонность объяснять осуществление его желаний не свободным благорасположением (правительства), а настойчивостью выражения своей воли. Народ, захватив власть и имея притязание начальствовать над правительством, губит и себя и своего государя. И корабль легко тонет, если корабельщики, отстранив кормчего, все захотят управлять рулем; и войско скоро погибнет, если каждый отдельный воин, не слушая начальника, примет на себя дерзость командовать своим ближним. И зачем дальше распространяться об этом? Начальствующему часто надобно менять краску лица, принимая печальный вид, когда душа настроена иначе, и, наоборот, при печальном настроении давая лицу веселое выражение, принимать гневный вид, не имея гнева, и смеяться, когда на душе тяжело.

Таковую наружность обречены показывать те, кому выпало на долю начальствовать народом. Какая разница с прошедшим! Верный друг для друзей, ни к кому не расположен враждебно, каково внутреннее расположение, такова и наружность. Ныне же необходимость заставляет делать упреки друзьям, не по заповеди быть холодным к родственникам, казаться строгим с нарушителями закона. Повсюду господствует зависть, беспорядок утвердился вследствие продолжительного господства. Стоит ли говорить, сколько страданий доставляет мне симония, сколько огорчений приносят мне распоряжения к пресечению мирской дерзости церковных собраний, меры против небрежения к душеполезному и излишних попечений о суетном. Все это я видел и прежде, и хотя сокрушался в душе, но не был в состоянии и не имел власти искоренить это зло. Потому-то я и уклонялся от избрания, отказывался от хиротонии и оплакивал возлагаемое на меня достоинство. Но я не был в состоянии избежать предопределения».

*Фотий переходит затем к объяснениям на те упреки, которые ему делали в Риме:*****

««Тебе не следовало,—говорят,—уступать незаконным действиям»—но это следует говорить тем, кто позволяет себе таковые. «Не следовало допускать над собой насилие»—хорошо правило, но против кого направляется порицание? Ужели против потерпевших от насилия? А сожаление разве не к тем относится, кто испытал действие насилия? Если же кто прощает сделавшего насилие и наказывает потерпевшего от насилия, то я бы хотел пригласить твою собственную правду в качестве судьи против него. Но выражают другое обвинение: «Ты,—говорят,—в нарушение канонов из светского звания прямо взошел на высоту священства». Но кто будет нарушитель канонов: тот ли, кто употребил насилие, или кто насильно и против воли принужден был дать согласие? «Нужно было,—возражают,—оказать противодействие». Но до какой степени? Я сопротивлялся и даже сверх должного, и, если бы только предвидел ту страшную бурю, которая разразится, сопротивлялся бы до самой смерти. Какие же нарушены каноны? Таковых донныне не знает Константинопольская Церковь. Преступным считается неисполнение тех законов, кои сохраняются преданием. Если же что не сохраняется преданием,

несоблюдение того не есть преступление.

Сказанного для моей цели более чем достаточно, ибо я не имею намерения выставлять себя оправдывающимся. Мне ли оправдываться, для которого составляет предмет сердечного желания уйти от этой бури и снять с себя эту тяготу,—так мало стремлюсь я к этой кафедре и так не дорожу ею. И не вначале только эта кафедра была мне в тягость, она не сделалась предметом желания и ныне, но как против воли я занял ее, так и держусь на ней против желания. Лучшим доказательством, что я по принуждению принял это достоинство, служит, между прочим, и то, что как вначале, так и ныне я желаю от него быть свободным. Не следовало бы говорить: «Все другое хорошо и похвально, и мы одобряем и радуемся и благодарим Бога, премудро управляющего Церковью. Возведение же из светского звания не похвально, почему этот вопрос оставляем под сомнением и оставляем окончательное решение до возвращения наших апокрисиариев».

Но как чрез нас и вместе с нами подвергаются опасности быть обвиненными и блаженные отцы Никифор и Тарасий, которые также из светского чина достигли высшего церковного сана,—мужи, являющиеся светилами нашего времени и громогласными глашатаями благочестия, жизнь и словом держащие истину,—то я считал необходимым присоединить и это к сказанному, чтобы показать, как эти блаженные мужи выше всякого обвинения и клеветы. Хотя едва ли кто посмеет признать их виновными, но и над ними тяготеет соблазнительный переход из светского звания к епископству, и они подвергаются укоризне, стоя выше укоризны, ибо и они из мирян посвящены в высший церковный сан: кто заслуживает почтения и перед кем преклоняются в благоговейном изумлении, те не избегают хулы. Но сии мужи Тарасий и Никифор, в светской жизни блиставшие как звезды и представившие собой образец церковной жизни,—они ли избраны в священный сан с нарушением канонов? Не мне это говорить, не хотел бы это я слушать и от другого. Ибо это были строгие блюстители канонов, борцы за благочестие, гонители нечестия, светильники миру по божественному Писанию, державшие слово жизни. Если же они не соблюли канонов, которых не знали, никто не может поставить им того в вину, ибо за то и прославлены они Богом, что сохранили то, что приняли».

*Заканчивая этот главный и обширный отдел письма, относящийся к возведению в высший церковный сан из светского звания, Фотий говорит.******

«Вышесказанным я объяснил то, что мне нужно было сказать по отношению к другим (Тарасий, Никифор, Амвросий, Нектарий), о себе же как было раз сказано, так и еще скажу: я против воли был возведен на кафедру и ныне занимаю ее против своего желания. Во всем же показывая повиновение вашей отеческой любви и в то же время желая представить, что дело идет не о словопрении, а об очищении памяти блаженных отцов наших, мы сделали соборное постановление на будущее время не возводить прямо из мирян или из монахов в епископский сан без прохождения предварительных священных степеней. Принятием этого постановления столько же Константинопольская Церковь признает себя как бы искони подчиненной ему, так и я сам, может быть, избежал бы несносного насилия и множества искушений, которые окружают меня и готовы задушить. Итак, это правило принято на спасение другим и освобождение их от забот. Лично же для меня найдется ли какое средство для облегчения от постоянно сменяющихся забот и трудов. Мне нужно утверждать слабых, учить и воспитывать невежественных, одних обращать мягким словом, других, которые обнаруживают упорство, бичами; на мне лежит обязанность поощрять к мужеству вялых, сребролюбивых убеждать к пренебрежению богатствами и к нищелюбию, обуздывать честолюбивых и приучать их стремиться к чести, которая возвышает душу, высокомерных усмирять, удерживать склонных к телесным излишества, поставлять ограничения тем, кто наносит другим обиды, умерять гневных, утешать малодушных. Но нужно ли перечислять все частности? Мне следует освобождать погрязших в дурные привычки и страсти, поработавшие душу и ослабляющие тело, дабы представить их Христу как истинных слуг. И каким образом тот, на ком лежит столько и таких важных обязанностей, не будет стремиться скорей к освобождению, чем к захвату власти? Кругом нечестивые: одни отметаю икону Христа и хулят на ней самого Христа, другие смешивают природы Христа или отрицают; некоторые же вводят некоторую новую природу на место прежней и бросают бесчисленные злословия на четвертый Собор. У меня с ними возгорелась война и недавно произошло сражение, вследствие которого я пленил многих в послушание Христу. Снова показываются из своих нор лисицы и стараются обмануть самых простых и наиболее доверчивых и захватить их как бы на приманку. Под этими лисицами я разумею схизматиков, которых скрытая злоба и зараза гораздо опасней наружной и явной. Они входят

в частные жилища и по слову Апостола (II Тимоф. III, 6) обольщают обремененных грехами женщин, видя в них вознаграждение или взятку за свое скоморошество, тщеславие, любострастие и нечистоту и подготавливая с ними бунт против Церкви».

*В заключение Фотий касается старого вопроса о церковных владениях, отнятых Львом Исавром, на что сделано указание и в письме папы:******

«По отношению к тем епископам, которые издревле получали посвящение от Римского папы,***** местоблюстители ваши сообщили, что необходимо вернуть их в подчинение своей прежней митрополии. Если бы решение этого вопроса зависело от нашей компетенции и если бы здесь не были замешаны политические интересы, то и без всякой защиты дело могло бы быть решено в пользу Рима. Но как церковные дела, и в особенности касающиеся епархиальных прав, стоят в зависимости и изменяются вместе с гражданскими провинциями и округами, то я просил бы благожелательного снисхождения вашего святейшества и не вменять в вину мне несогласие удовлетворить ваше желание, а отнести это насчет политических соображений. Что касается меня, то из любви к правде и по миролюбию я не только готов вернуть то, что принадлежало другим, но даже из древнего достоинства этой кафедры готов поступиться в пользу того, кто имеет силу управлять и владеть. Если кто даст мне нечто из не принадлежащего мне, тот налагает на меня тяжесть, ибо увеличивает для меня заботы, а кто с любовью заявляет притязание на принадлежащее мне, тот доставляет больше пользы мне дающему, чем себе принимающему, ибо значительно облегчает мне тяжесть начальствования; а кто с любовью принимает мне принадлежащее и обязывается ко мне чувством благодарности, если я буду домогаться своих прав, то можно ли не сделать уступки при отсутствии препятствия, в особенности если просьба исходит от такого достопочтенного лица и если она передается через таких боголюбезных и важных мужей? И поистине местоблюстители вашего отеческого святейшества блистают и разумом, и добродетелью, и опытом и своим внешним поведением напоминают апостолов; мы препоручили им самое существенное из того, что нужно было сказать и написать в том убеждении, что они и будут способны сказать истинное и что словам их будет придано больше веры. Мне не хотелось ничего писать лично о себе, тем более что ваша отеческая святость благоволила быть осведомленной не через письма, но посредством своих представителей; но чтобы моя уклончивость описать хотя бы главное не объяснена была небрежением, я решился кратко изложить мое личное дело, пропустив многое из того, что требовало бы старательного труда. Боголюбезнейшие местоблюстители ваши, многое видев лично и слыша от других, все могут в достаточной мере объяснить, если ваша просвещенная мудрость заблагорассудит расспросить их.

В заключение моего слишком растянувшегося письма нахожу нужным присоединить еще следующее.***** Соблюдение канонов обязательно и для всякого частного человека, но гораздо более для тех, кому вручено попечение о других, и еще больше для тех, которые имеют преимущество примата. Чем выше кто поставлен, тем более он обязан к соблюдению канонов. Ибо погрешность стоящих на высоте гораздо скорей распространяется в народе и необходимо увлекает или к добродетели, или к пороку. Посему и ваше многолюбезное блаженство, имея попечение о церковном благоустройстве и соблюдая верность канонической правоты, да благоволит не принимать без должного разбора тех клириков, которые без рекомендательных писем приходят отсюда в Рим, и под предлогом странноприимства не подавать повода к братской вражде. То обстоятельство, что постоянно являются желающие идти на поклонение к вашей отеческой святости и целовать вашу честную стопу, составляет для меня истинное удовольствие, но что совершаются в Рим путешествия без моего ведома и без удостоверительных свидетельств, это не согласно ни с моими желаниями, ни с канонами и едва ли должно соответствовать вашему неподкупному суду. Чтобы не говорить о другом, что порождает подобные путешествия—о спорах, распрях, клевете, подлогах,—я хочу только о том упомянуть, что происходит на наших глазах. Есть такие, которые, запятнав себя здесь постыдными пороками, чтобы избежать заслуженного наказания, спасаются бегством под предлогом пилигримства, благочестия и исполнения обета и таким образом покрывают свою порочную жизнь почтенным именем. Одни, запятнав себя незаконным сожительством, воровством или невоздержностью, пьянством и сладострастием, другие, будучи уличены в убийстве или в нечистых страстях,—если они из опасения угрожающей им кары бегством спасаются от заслуженного наказания, не быв исправлены увещанием, ни улучшены и исцелены от пороков наказанием, продолжают наносить вред себе и другим, то не открывается ли им широкая дорога к пороку в том, что они могут под предлогом благочестия удалиться в Рим. Ваша боголюбезная святость, которая ведет борьбу с людскими пороками, могла бы привлечь внимание на эти коварные

махинации и обратить их в ничто, отсылая назад тех, которые приходят в Рим без рекомендательных писем и оставляют родину с дурными намерениями и в противность законам. Этим всего лучше соблюдалось бы и их собственное благо и обеспечивалась бы их телесная и душевная польза, а равно охранялась бы дисциплина и утверждалась братская любовь».

* По изданию: Успенский Ф.И. История Византийской Империи. Т.2. М.: Мысль, 1997. С.62-69.

** ουδε γαρ εν γωνια εγενετο, και το μεγεθος της επηρειας την ιστοριαν εις παντα εξηνευκεν.

*** Как видно из ближайших затем слов, речь идет об учениках Фотия, об его школе. Любопытно, что это место пропущено у Гёргенретера. - *Прим. Ф.И. Успенского.*

**** Успенский Ф.И. История Византийской Империи. Т.2... С.65.

***** Там же. С.66.

***** Там же. С.67.

***** Место несомненно относится к митрополитам Солуни, Иллирика и Сиракуз, хотя иные понимают его применительно к болгарам.—Hergenrother. I.S.73. - *Прим. Ф.И. Успенского.*

***** Этого отдела нет в греческом тексте Досифея. Он восстанавливается по изд.: Mai. Nova Patrum Bibl.. IV. P. 51. - *Прим. Ф.И. Успенского.*

[из писем Фотия к императору Василию и к патрикию Ваану (написано из ссылки, после удаления Фотия с патриаршего престола 25 сентября 867 г.)]*

«Выслушай меня, всемилостивейший государь! Я не защищаюсь ныне ни старой дружбой, ни страшными клятвами и взаимными соглашениями, не ссылаюсь и на помазание и царское венчание, ни даже на то, что из наших рук ты приобщался страшных и чистых тайн, ни на узы, которыми связывает нас мое духовное усыновление твоего милого дитяти**. Все это оставляю в стороне и ссылаюсь перед тобой только на то, на что имею право по человечеству. По варварским, а равно и эллинским законам присужденных к смерти лишают жизни, а если кому даруется жизнь, тех не доводят до смерти голодом и всяческими мучениями. Хотя я жив, но испытываю смертные страдания; меня держат в заключении, все у меня отняли: родственников, знакомых, прислугу—и лишили всяческих жизненных удобств. И божественному Павлу, когда он был в узах, не возбраняли принимать услуги от знакомых и друзей, и последние его минуты были облегчены состраданием христоненавистных язычников. С давнего времени, не говорю уже об архиереях, но и преступники не подвергались никаким страданиям. Но что у меня отняли и книги—это новое, и странное, и как будто для меня изобретенное наказание. Для чего это? С какой целью отняли у нас книги? Если я виновен, то нужно дать мне больше книг и учителей, чтобы, читая их, я поучался и, обличаемый, старался исправиться; если же я невиновен, то за что подвергаюсь обиде. Никогда ни один православный не испытывал этого от неправославных. Славный своими подвигами Афанасий часто лишался кафедр, но никто не присуждал его к лишению книг.

Но зачем вспоминать древние времена? Еще помнят многие из нас нечестивого Льва, который по природе был более похож на зверя, чем на человека, но и он, лишив трона великого Никифора и присудив его к изгнанию, не лишил его, однако, общения с книгами и не томил голодом, как томят меня... На нас обрушились, увы, всяческие и необыкновенные испытания; будучи выброшены из сообщества друзей и лишены круга монашествующих и поющих псалмы, мы преданы военной страже и окружены военными отрядами.

Подумай об этом, государь, с самим собой и, если совесть тебе подскажет, что ты прав, приложи и новые нам мучения, может быть, таковые и найдутся еще; а если совесть этого не скажет, не жди, чтобы она осудила тебя тогда, когда и раскаяние бесполезно. Я обращаюсь к тебе, может быть, с необычной просьбой, но она соответствует необычным обстоятельствам. Останови зло одним из этих двух способов: или отняв у меня жизнь, или умерив испытываемые мной бедствия.

Приведи себе на память, что и ты человек, хотя и царствующий; вспомни, что одинаковое тело имеют и цари, и простые смертные и все одарены той же природой. Зачем злобой ко мне ты унижаешь свое милосердие и свою благость порочишь наносимой мне обидой? с какой целью гневом и суровым ко мне отношением ты посрамляешь человеколюбие, лицемерно прикрываясь им? Я не прошу возвращения престола, не гонюсь за славой, благоденствием и успехами, мне нужно только то, в чем не отказывают узникам и пленникам, что и варвары благодушно предоставляют заключенным. Я унижен и доведен до такого состояния, что умоляю об этих вещах человеколюбивейшего ромэйского царя! В чем моя просьба? Позволь

мне или жить, но так, чтобы не испытывать мучений, которые делают жизнь тягостней смерти, или немедленно прекрати мое существование. Имей уважение к природе, постыдись перед общими для всех человеческими законами, прими во внимание привилегии Ромэйской империи. Не допусти, чтобы история сохранила необыкновенное повествование, что когда-то был царь, слывший кротким и человеколюбивым, и что

этот царь, допустив патриарха до тесной дружбы и удостоив его кумовства и от рук его получив помазание на царство, пользуясь его особенной любовью, и дав ему клятву и страшные ручательства, и всем показывая любовь к нему и расположение, тем не менее подверг его заключению и голоду, и томил бесчисленными муками, и предал его смерти, когда архиерей молился за него».

*Что первое время положение патриарха Фотия было весьма тягостно, это доказывается его перепиской и с другими лицами, из коих большинство занимало влиятельное положение в Константинополе и могло оказать ему помощь. Таково письмо к препоситу и патрикию Ваану.****

«Когда-то у римлян и у эллинов наблюдался обычай соблюдать границу в притеснениях, причиняемых и самим врагам, не говоря уже о благодетелях. И варварам свойственно не преступать границу в мучениях. Я доведен состоянием, в которое вы меня поставили, до тяжелой болезни; нуждаясь во враче по состоянию здоровья, вот уже 30 дней, как я прошу прислать врача, и вы не хотите исполнить моей просьбы».

*Нужно думать, что письма Фотия достигали своего назначения и имели успех. Сохранилось еще письмо к царю Василию, в котором Фотий благодарит его за облегчение его положения.*****

* По изданию: Успенский Ф.И. История Византийской Империи. Т.2. М.: Мысль,1997. С.141-143.

** Подразумевается восприятие от купели царевича Стефана. - Прим. Ф.И. Успенского.

*** Успенский Ф.И. История Византийской Империи. Т.2... С.143.

**** Там же.